

«Я читаю стихи драконам, водопадам и облакам»

125 лет назад родился Николай Гумилев.

Убийство

В августе 1921 года шайке захвативших Россию разбойников понадобилось пустить кровушку. ЧК придумала и разоблачила контрреволюционный заговор, нареченный по имени «руководителя» таганцевским. Тех, кого назначили заговорщиками, арестовали, осудили и пустили в расход. Так — «посредине странствия земного» — был убит поэт Николай Гумилев.

Втянули его в провокаторскую игру или взяли без каких-либо оснований — проблема для историков большевистских бесчинств. Борцом с каннибальской властью бывший офицер не был — иначе не вернулся бы он в мае 1918 года из Европы в Петроград, не провел бы там все годы Гражданской войны, сотрудничая в дозволенных большевиками изданиях, служа переводами просвещению народа, энергично воспитывая молодых стихотворцев и неуклонно отстаивая свое первенство в литературном сообществе.

Он, как и прежде, грезил о наступлении новых времен, когда власть над миром перейдет к поэтам — наследникам древних волхвов и магов. Он чаял чудесных метаморфоз: Сердце будет пламенем палимо/
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,/ Стены Нового Иерусалима/
На полях моей родной страны. Он по-мальчишески радовался: Много их, сильных, злых и веселых,/ Убивавших слонов и людей <...> Верных нашей планете,/ Сильной, веселой и злой,/ Возят мои книги в седельной сумке,/ Читают их в пальмовой роще,/ Забывают на тонущем корабле.

Среди этих читателей нашлись умники, смекнувшие, как эффектно будет смотреться Гумилев в роли врага. Сильного (воин с двумя Георгиями, путешественник, побывавший на краю света, заклинатель стихий и ужасов), убежденного (здесь годились и строки о капитане, что бунт на борту обнаружив,/ Из-за пояса рвет пистолет, и русско-православные мотивы, приметные уже в «Колчане» и сильно зазвучавшие в «Костре» и «Огненном столпе»), готового к смерти (тут вспоминай и трактуй в «нужном ключе» хоть «Гондлу», хоть «Шестое чувство», хоть «Рабочего», хоть «Заблудившийся трамвай») — и все равно поверженного железной диктатурой пролетариата. Его пример — другим наука. Сломаем любого конквистадора и бровью не поведем. Когда вернейшего (обреченного на самоуничтожение) певца атакующего класса спрашивали, хороший ли поэт Гумилев, тот отвечал, по сути, оправдывая убийство собрата: «Хороший контрреволюционный поэт».

Миф

Маяковский лгал не только для пользы общепролетарского дела — убийство поэта было своеобразной «литературной акцией», началом мифа, быстро вырвавшегося из-под контроля палачей-интеллектуалов. На жизнь и поэзию Гумилева легла тень расстрельного августа. Он стал не только жертвой красного террора, но и символом сопротивления большевизму, стал русским двойником Андре Шенье, к слову, тоже мифологизированного. Факты (биографические и тем более собственно поэтические) аннигилировались мифотворческой машиной, работавшей всю большевистскую эру и не сильно сбавившей обороты в новейшие времена.

При советской власти стихи и проза Гумилева должны были находиться под запретом, а их автор обвешиваться клеветническими ярлыками. Потому как ни за что у нас не расстреливают. Так Гумилев стал «монархистом». Словно не он, вообще-то мало о политике думавший, угадал зловещую суть рокового возвышения и жуткого конца Распутина, пророчащих скорую гибель обезволенного царства. В гордую нашу столицу/ Входит он — Боже, спаси! — / Обворажает царицу/ Неозримой Руси // Взглядом, улыбкою детской,/ Речью такой озорной, — / И на груди молодецкой/ Крест просиял золотой. // Как не погнулись, — о горе! — / Как не покинули мест/ Крест на Казанском соборе/ И на Исакии крест? Не погнулись, не покинули, и расправа с хтоническим пришельцем от черной беды не уберегла. Что ж, православные, жгите/ Труп мой на темном мосту,/ Пепел по ветру пустите.../ Кто ж защитит сироту? // В диком краю и убогом/ Много таких мужиков./ Слышен по вашим дорогам/ Радостный гул их шагов.

Ладно, «монархист-националист» — все-таки, чтобы расслышать гумилевскую щемящую печаль обреченности (не только в «Мужике», но и в стилизованных «Старых усадьбах» и в «Городке»), нужен точно настроенный слух, ловящий семантические обертоны, которыми живет поэзия. Но типовое обвинение в «империализме», влекущее за собой обязательное приравнивание к Киплингу, совсем уж ни в какие ворота не лезет. Для Киплинга Индия и британские владения в Африке — реальность; это ценность одновременно геополитическая и по-настоящему интимная, жизненная в самом точном смысле.

Дальние страны Гумилева — фантастические миры, где поэт-воин вершит невозможные в пространстве цивилизации подвиги ради самих подвигов и/или обретения пути в Индию духа. (Не говорю уж о зримых симпатиях Гумилева к коренному населению Черного континента, любованию тамошним варварством и наивно-романтической антиколониалистской позиции в вопросе о независимости Абиссинии.) Киплинг — поэт-политик с конкретными, всерьез продуманными и выстраданными идеями. Его слово помогает нести тягостное «бремя белых», крепит дух галерных рабов великой империи, одним из которых ощущает себя сам поэт.

Гумилев — одинокий искатель приключений, равно страстно отдающийся стычкам с воинственными туземцами, охоте на зловещих хищников (в том числе мстительных оборотней) и приобщению к древней колдовской мудрости. Он повествует (вещает, поет) о своем экстравагантном опыте, осознавая его игровую природу (даже если пройденные испытания не на шутку рискованны!), а потому непременно сочетает патетику (иногда чрезмерную) с артистической иронией. Если бы Киплинг прочел Гумилева, он скорее всего счел бы его одним из тех хилых вырожденцев, чьи безответственные искания и утонченные выверты губят старую добрую Европу и торят дорогу отвратительному варварству. Это, конечно, недоказуемая гипотеза, но есть бросающийся в глаза (коли их не зажмуривать) факт: Гумилев, умевший находить свое у поразительно разных поэтов и вдохновенно перелагавший их творенья на русский, Киплинга не переводил.

Поэт

Не было ни «монархизма», ни «национализма», ни «империализма». Не было и сколько-нибудь стройной идеологии. Кажется порой, что и «акмеизма» никакого не было. Трагические судьбы трех великих поэтов, верность Мандельштама и Ахматовой памяти Гумилева, их диалог с ушедшим другом и трансформирующее старые сюжеты горькое мифотворчество Надежды Мандельштам нагрузили по-ребячески задорную — и чуть вздорную — полемическую выдумку целым ворохом противоречивых метафизических смыслов.

Была поэзия. «Православные» мотивы у зрелого Гумилева легко чередуются (а то и совмещаются в рамках одного опуса) с «масонскими», «исламскими», «языческими» или «индуистскими». Самое странное, что эта прихотливая до беззаконности игра стилями, мифами и масками «лирического я» выглядит совершенно естественной и внутренне оправданной. Когда в «Памяти» Гумилев исчисляет свои ипостаси, ни одна из них не уничтожает другую. Колдовской ребенок, словом останавливавший дождь, живет в претенциозном (но и чутком к повсюду звучащим лирам) поэте, что хотел стать богом и царем, в избраннике свободы, ведомом музой дальних странствий, в православном воине, творящем светлое величавое дело (а не вязнущем в кровавом месиве европейской бойни) и готовом отдать врагу братский поцелуй, в угрюмом зодчем, возводящем загадочную башню. Вопреки формальному сюжету это не череда разных душ, а их сложенный оркестр, ведущий единую — при завораживающем великолепии центробежных вариаций — мелодию.

Подобно лермонтовскому больному ребенку, Гумилев, тоже остававшийся до конца жизни мальчиком, знал одну, но пламенную страсть. Не к отнятой свободе — как у Мцыри. Не к таинственной, пугающей и влекущей экзотической чужбине — как у еще больше похожего на Гумилева чеховского гимназиста Володи Чечевицына (Монтигомо, Ястребиный Коготь тож). Не к вечно ускользающей Прекрасной Даме — как у Дон Жуана или Рыцаря Тогенбурга, лики которых мерцают в гумилевской любовной лирике. Не к иным мирам — как в остроумных интерпретациях стихов Гумилева о звездном ужасе, древних ящерах, концах и началах здешнего бытия. Всего этого не отменишь (как и «акмеизма»), но по-настоящему владела автором «Шестого чувства», «Леса» и «Заблудившегося трамвая» страсть к совершенной поэзии, к магически всевластному слову, способному выявить суть дольного мира. Мира, безусловно, прекрасного и в ощутимом нами бытии, но ждущего фантастического преобразования. Его-то и должен осуществить поэт, коему на роду написано быть вечным ребенком, служителем красоты, путником, воителем, беглецом, бунтарем, безумцем, изгоем, магом, жертвой — монетой, которой Создатель/ Покупает спасенье волков.

Слово Гумилева вошло бы в состав русской поэзии и без большевистской пули. И читать его стихи лучше без оглядки на август 1921 года. Только вот забыть никак не получается. И потому, что убийство есть убийство. И потому, что — как при безвременном уходе всякого художника — бесконечно жаль невоплощенного (и неподвластного нашим догадкам). И потому, что ленинцы дело знали: жизненное дело Гумилева действительно противостояло (и по сей день противостоит) мороку бесчеловечности. Ибо делом этим была поэзия.

Автор: Андрей Немзер © Московские новости КУЛЬТУРА, МИР 👁 8486 16.04.2011, 12:33 📌 557
URL: <https://babr24.com/?ADE=93044> Bytes: 9114 / 9020 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Андрей Немзер.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)